

УДК 908

EDN WNOLYS

DOI 10.24412/2073-7475-2026-3-132-141

Габор Балинт в Казани: к истории изучения языка кряшен во второй половине XIX в.

П. Г. Семенов,

*Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

А. С. Колчерин,

*Казанская православная
духовная семинария,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Gábor Bálint in Kazan: on the History of Kryashen Language Studies in the Second Half of the Nineteenth Century

P. G. Semenov,

*Institute of History named after
Sh. Marjani of the Academy of the Sciences
of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Republic of Tatarstan,
Russian Federation*

A. S. Kolcherin,

*Kazan Orthodox Theological Seminary,
Kazan, Republic of Tatarstan,
Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматривается казанский этап научного путешествия венгерского востоковеда и тюрколога Габора Балинта де Сенткатолнаи (1844-1913) и анализируется значение собранных им материалов для истории изучения языка кряшен. На основе публикаций 1874-1876 гг., работ венгерских исследователей и архивных свидетельств показано, что пребывание Балинта в Казани стало важным этапом его полевой программы и определило характер созданного им корпуса казанско-татарских текстов. Особое внимание уделяется его работе с учащимися крещено-татарской школы, использованию графики Н. И. Ильминского, многократной проверке записей и стремлению зафиксировать живую разговорную речь. Показано, что материалы Балинта, позднее критически переизданные А. Бертой, представляют собой ценный источник по исторической диалектологии тюркских языков, истории изучения кряшенских говоров и российско-венгерским научным связям XIX в. В научный контекст вводится также отчет Балинта Венгерской академии наук, позволяющий уточнить цели, методы и результаты его казанских исследований.

Abstract

The article examines the Kazan stage of the scientific journey of the Hungarian orientalist and Turkologist Gábor Bálint de Szentkátolnai (1844-1913) and analyzes the significance of the materials he collected for the history of the study of the Kryashen language. Based on publications from 1874-1876, works by Hungarian researchers, and archival evidence, this paper demonstrates that Bálint's stay in Kazan was an important phase of his field program and determined the nature of the corpus of Kazan Tatar texts he created. Special attention is paid to Bálint's work with students of the Kryashen Tatar school, his use of N. I. Ilminsky's orthography, multiple verification of recordings, and his aim to capture live spoken language. It is argued that Bálint's materials, later critically republished

by A. Bertha, constitute a valuable source for the historical dialectology of Turkic languages, the history of the study of Kryashen dialects, and nineteenth-century Russian-Hungarian scholarly ties. Bálint's report to the Hungarian Academy of Sciences is also introduced into the academic context, allowing to clarify the goals, methods, and results of his research in Kazan.

Ключевые слова

Габор Балинт, кряшены, Казань, Н. И. Ильминский, историческая диалектология, тюркология, Венгерская академия наук.

Keywords

Gábor Bálint, the Kryashen, Kazan, N. I. Ilminsky, historical dialectology, Turkology, Hungarian Academy of Sciences

Кряшенский язык представляет собой своеобразный пласт тюркского языкового мира: он сохраняет архаичные черты, отличается особой письменной традицией XIX в. и сравнительно небольшим количеством арабских и персидских заимствований. Эти особенности кряшенского языка уже с XIX столетия привлекали внимание не только российских, но и у зарубежных исследователей, в частности венгерского ученого Габора Балинта¹.

Габор Балинт Сенткатолнаи (Gabor Balint de Szentkatolna, 1844-1913) – выдающийся венгерский языковед, монголовед и тюрколог, был одним из ведущих ученых и просветителей эпохи возрождения венгерской национальной культуры и идеологии второй половины XIX – начала XX в.

Исследования Г. Балинта получили высокую оценку венгерских ученых: «Выдающийся венгерский лингвист, востоковед Габор Балинт де Сенткатолна был легендарным венгерским ученым XIX в. Он изучал теологию, восточные языки и право; утверждает, что он владел более чем 30 языками. Благодаря поддержке Венгерской академии наук, он: впервые приехал в Калмыкию для изучения монгольского языка. В рамках своих полевых исследований он изучал татарский, тюркский, финский, русский и другие языки»².

О происхождении и процессе подготовки трудов Габора Балинта известно следующее. Сенткатолнаи Габор Балинт (в венгерской традиции сначала указывается фамилия, а затем имя) с ранних лет проявлял заметные способности к изучению языков. Габор Балинт, секей* по происхождению, родился 13 марта 1844 г. в селе Сенткатолна комитата Харомсек – одного из секейских комитатов Королевства Венгрия. Будучи студентом юридического факультета, посвятил значительную часть своего времени изучению классических, европейских и восточных языков. Во время учебы в университетах Вены и Будапешта, в 1870 г. познакомился с академиком Яношем Фогараши (редактором многочисленных венгерских словарей), по предложению которого Балинт начал заниматься монгольским и русским языками. Чтобы углубить свои знания языков и собрать этнографические и лингвистические материалы, Балинт с помощью Фогараши в 1871 г. получил стипендию от Венгерской академии наук для трехлетнего путешествия в Россию и Азию.

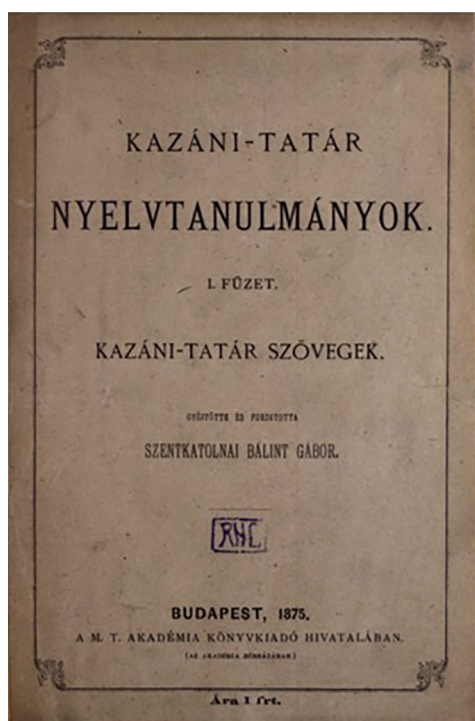
* Одна из субэтнических групп, составляющих венгерское национальное меньшинство на территории современной республики Румыния.

В Казани, под влиянием тюрколога и миссионера Н. И. Ильминского (1822-1891), который как он пишет: «считался в свое время одним из самых образованных знатоков татарского языка»³, Балинт сосредоточил свое внимание на изучении просторечия, а именно языка кряшен. Под руководством преподавателя монголо-калмыцкого языка в Казанской духовной академии В. В. Миротворцева он также исследовал калмыцкий язык.

Его прибытие в 1871 г. в Казань и дальнейшие полевые исследования среди калмыков в Нижнем Поволжье были связаны с глубоким интересом к письменному и устному наследию тюркских и монгольских народов, поиском историко-культурных связей венгров с другими народами Евразии, изучением места их происхождения и сходства с другими языками.

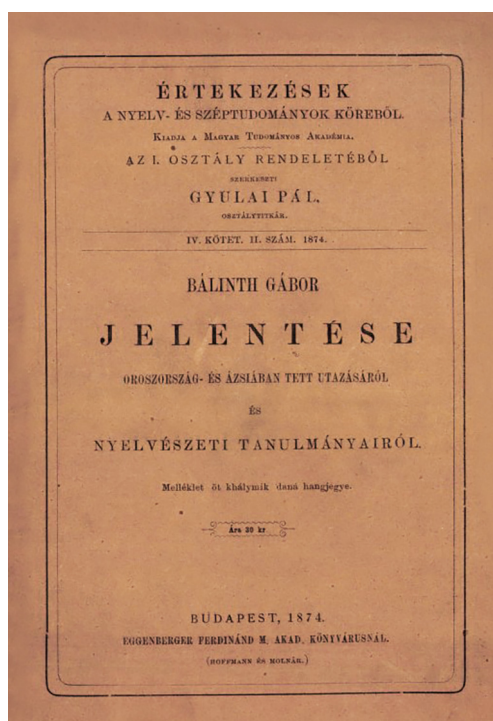
После возвращения из Монголии в 1875-1876 гг. в Будапеште Г. Балинт издал на венгерском языке книги, посвященные собранным литературным и фольклорным материалам, словарь и учебник грамматики казанских татар: «Произведения казанских татар с переводом» (1875), «Словарь казанских татар» (1876) и «Грамматическое пособие казанских татар. Фонология, морфология, синтаксис» (1876).

Особый интерес представляет наследие Габора Балинта, а именно его доклад про путешествие в Россию, написанный на венгерском языке. В результате

Г. Балинт. Произведения казанских татар с переводом. – Будапешт, 1875.

G. Balint. Works of the Kazan Tatars with Translation. – Budapest, 1875.

Г. Балинт. Отчет о путешествиях и лингвистических исследованиях в России и Азии. – Будапешт, 1874.

G. Balint. Report on Travels and Linguistic Research in Russia and Asia. – Budapest, 1874.

научно-исследовательского взаимодействия автора данной статьи и Венгерской академии наук удалось обнаружить труд этого ученого⁴. Ниже предлагаем ознакомиться с переводом на русский язык доклада Габора Балинта.

Следует отметить, что труды Габора Балинта, посвященные исследованию кряшенского языка, не получили широкой известности в нашей стране. Однако в Венгрии они пользуются определенной популярностью и применяются в научных исследованиях. Так профессор кафедры алтаистики Сегедского университета, доктор Венгерской академии наук Арпад Берта (1951-2008) в 1982 г. защитил докторскую диссертацию по описанию диалекта кряшен Поволжья, используя труд Г. Балинта. Надо отметить, что все материалы из трудов Балинта он перевел на немецкий язык.

В 1978 г., во время своего пятидесятилетнего пребывания в Казани, Арпад Берта имел возможность проработать материалы Балинта и проверить их до мельчайших деталей. Собранный Балинтом языковой материал отличался рядом существенных особенностей. Он заметно расходился с татарским письменным языком того времени, испытывавшим значительное влияние мусульманской книжной традиции. Вместе с тем зафиксированная исследователем речь не совпадала полностью ни с казанской разговорной речью, ни с каким-либо одним кряшенским говором. В определенной степени она представляла собой сознательно выработанное наддиалектное койне, в котором сочетались особенности нескольких говоров и подговоров, распространенных преимущественно среди кряшен. Такая форма речи складывалась в узком кругу преподавателей и воспитанников Казанской центральной крещено-татарской школы, основанной в Казани в 1863 г. Однако научная ценность материалов Балинта не исчерпывается тем, что в них было отражено это своеобразное языковое явление.

По сравнению с другими памятниками этого койне, то есть с памфлетами и книгами, изданными для крещеных, записи Балинта показывают явные различия, а именно несмотря на то, что материалы Балинта в конечном итоге следует понимать, как латинскую транслитерацию его кириллических записей в Казани, его стремление не всегда заключалось в буквальном воспроизведении казанских записей. Он старался как можно точнее передать то, на чем говорили, и тем самым предлагал важный ключ не только к кириллическим памятникам крещеных, но и к прояснению многочисленных вопросов исторической диалектологии казанских татар.

Развивая эту мысль, Арпад Берта подчеркивал, что принципиальное значение для Г. Балинта имело происхождение собранного языкового материала: исследователь сознательно фиксировал речь именно кряшен. По наблюдению Берты, Балинт видел основное различие между речью кряшен и татар-мусульман прежде всего в лексике: в кряшенской среде в большей степени сохранялся тюркский пласт, тогда как в языке мусульманской письменной и разговорной традиции было значительно больше арабских, персидских и османских заимствований. Именно этим объясняется особое место материалов Балинта в истории изучения казанско-татарской диалектологии. Берта отмечал, что кряшенские говоры представляют особую ценность в лингвистическом отношении, поскольку в них сохранилось множество архаичных фонетических, морфологических и лексических черт. Их относительный языковой консерватизм исследователь

связывал с длительной изоляцией кряшен от других групп татарского населения, что способствовало не только сохранению древних элементов, но и формированию ряда специфических особенностей⁵.

Казанский этап научного путешествия Габора Балинта занимает важное место в истории изучения кряшенских говоров и казанско-татарской диалектологии второй половины XIX в. Собранные им тексты, словарные материалы и наблюдения над живой речью имеют значительную источниковедческую и лингвистическую ценность, поскольку отражают особенности разговорной языковой практики и позволяют уточнить ряд вопросов, связанных с историей татарского языка, кряшенской письменной традиции и развитием тюркологических исследований. Обращение к трудам Балинта и их последующему осмыслению в венгерской науке позволяет рассматривать его наследие как важную часть истории российско-венгерских научных связей и как значимый материал для дальнейших исследований в области исторической диалектологии и истории языкознания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuauflage der Originalsammlung von G. Balint 1875-76 / Vorwort von A. Berta. – Budapest: Magyar Tudományok Akadémia Könyvtára, 1988. – 413 s.; *Obrusanszky B. Szentkatolnai Balint Gabor ujrartekelese*. Magyar Tudomány, 2007. – No. 3. – P. 364-367.
2. *Obrusanszky B. Szentkatolnai Balint Gabor ujrartekelese*. Magyar Tudomány, 2007. – No. 3. – P. 364-367.
3. *Balint G. Kazani tatar nyelvtanulmányok, I fuzet, Kazani tatar szovegek, gyujtotte es fordította Szentkatolnai Balint Gabor*. – Budapest, A M. T. Akadémia Könyvkiado Hivatala, 1875. – 170 p.; *Валеев Р. М., Валеева Р. З., Хайрутдинов Д. Р.* Первое научное путешествие Габора Балинта в Россию и его письма Н. И. Ильминскому: Казань-Астрахань-Санкт Петербург (1872, 1874 гг.) // The Scientific Heritage. – 2020. – № 50 (3). – С. 45-53.
4. Электронный ресурс. Режим доступа: https://real-eod.mtak.hu/204/1/ERTNYELVSZEP_04_02.pdf
5. Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuauflage der Originalsammlung von G. Balint 1875-76 / Vorwort von A. Berta. – Budapest: Magyar Tudományok Akadémia Könyvtára, 1988. – 413 s.

Из отчета Г. Балинта Венгерской академии наук*

2 марта 1874 г.

Прежде всего почитаю обязанностью своей поблагодарить Академию наук Венгрии, во-первых, за почетное для меня поручение провести экспедицию, во-вторых же, за щедрость, с которой заботилась Академия о расходах во время моего путешествия.

Без малого три года прошло с тех пор, как получил я письмо от Академии и, чтобы выполнить заключенное в оном поручение, отправился в путь. Цель моя состояла в изучении трех ветвей алтайских народов и главным образом в сборе языкового материала, который был бы полезен для сравнительного языкознания и этим самым для науки о народах. Факт того, что татарская, монгольская

* Перевод с венгерского языка выполнен Т. Ефремовой.

и маньчжурская языковые ветви связаны друг с другом (и даже с языками финно-угров), был установлен не устроителями моей экспедиции и не Венгерской академией наук, а теми учеными, которые исследовали алтайские или туранские народы и разделили их языки на группы. В ряду этих ученых мужей особо выделяются Кастрен, Шифнер, Габеленц, Шотт, Келлгрэн и Микша Мюллер.

Поскольку многие именитые исследователи, члены Академии, например, господина Пал Хунфальви, Иштван Фабиан, Буденц, Барна и Вамбери, с успехом трудились и трудятся над изучением финно-угров, юго-восточных тюрков-татар и уйгуров, правомерным было желание, чтобы венгерские ученые предприняли что-либо и в отношении других родственных по языку народов, ведь этот вопрос занимает венгров гораздо сильнее, чем любой другой народ и ученых Западной Европы.

Таких соображений я придерживался, выполняя почетное поручение Венгерской академии наук, и при таком образе мыслей подход мой должен был быть совершенно беспристрастным; то есть предстояло изучить обозначенные языки в той форме, в какой они звучат в народе, и собрать наиболее полную коллекцию живого наречия. Необходимость этого объясняется тем, что в Европе данные об упомянутых языках за редким исключением почерпнуты из книг религиозных и менее всего из народного языка. Между тем сравнительное языкознание вряд ли может обойтись без живой речи, поскольку в отличие от письменной она всегда достовернее передает дух языка, склад языка. Особенно это верно в отношении народов, чей письменный язык сложился в основном под влиянием переводов. Такова ситуация как с языком казанских татар, так и с восточным и западным диалектом монгольского языка.

В письмах, отправленных мной ранее, сообщалось лишь о том, где и в каких землях я путешествовал. Сейчас же я бы желал рассказать, где и из каких источников я черпал и собирал материал для своих исследований. Следует оговориться, что подробное изучение собранных данных – если мне посчастливится рассчитывать на некоторую поддержку и Венгерская академия наук доверит мне это поручение – потребует длительного времени.

Исходя из задач экспедиции и поручения академии, в течение трех лет предметом моего исследования и занятий являлись: в Казани казанский, или же булгаро-татарский народный язык, а также алтайский тюркский язык; в Астрахани западно-монгольский, или же калмыцкий народный язык; в Санкт-Петербурге финно-угорские языки, и, кроме того, подготовка к изучению маньчжурского языка, бытующего в Монголии; в Урге халха-монгольский язык, а также маньчжурский язык, являющийся официальным в империи Цин (кроме России, другие государства практически не уделяют внимания маньчжурскому наречию, что нельзя назвать дальновидным).

Обучение мое булгаро-татарскому языку в Казани проходило следующим образом.

По совету господина Ильминского, одного из выдающихся знатоков тюрко-татарского языка, основное внимание я обратил на наречие крещеных татар, которое намного чище языка татар-мусульман. Объясняется это тем, что крещеные татары, называющие себя «керышен», в отличие от своих братьев-мусульман не приняли арабской письменности. Таким образом, арабские и персидские заимствования проникали и проникают в язык крещеных татар в меньшей степени. Принятие православия при отсутствии системы образования

до последнего времени практически не отразилось на языке этого народа. Необходимо отметить, что влияние русского языка гораздо сильнее ощущается в речи татар-мусульман, поскольку, будучи горожанами и активно занимаясь торговлей, они соприкасались и соприкасаются с русскими более тесно, чем крещенные татары, которые в основной своей массе бедны, живут в деревнях и занимаются земледелием.

Среди казанских татар православие начало распространяться со времен завоевания Казани Иваном Грозным. С тех пор практически до настоящего момента большинство этих татар, не владеющих русским языком, не могли получать образование или же их обучение было самым незначительным. Лишь в последние годы, благодаря начинаниям господина Ильминского и его непреклонному усердию, у крещенных татар появилась возможность услышать Евангелие на своем языке в наиболее чистом переводе.

Примерно десять лет назад господин Ильминский пошел наперекор ошибочным взглядам духовенства, согласно которым учение Нового Завета должно переводиться исключительно дословно и никоим образом не оборотами, коих требует дух и строй языка. Он стал переводить совершенно по-иному, не так, как того требовали от переводов, которые готовились в начале этого столетия русской церковью для нерусских, но православных народов. Выполнялись эти переводы теми представителями татар, чувашей, черемисов, вотяков и мордвы, которые с малых лет воспитывались среди русских и обучались в духовных семинариях.

Утратив чувство родного языка, они переводили для братьев церковнославянскую Библию и русские религиозные сочинения с такой дословностью, что переводы эти никто кроме них разобрать был не в состоянии. Причина этого не только в том, что бедный на гласные русский алфавит не передавал всех звуков упомянутых алтайских языков, но главным образом в том, что для достижения точности переводчики в значительной степени меняли весь склад речи поскольку в вышеназванных нерусских языках относительные местоимения отсутствуют и практически нет союзов, переводчики сами создавали оные или же заимствовали их из русского и церковнославянского языков. В результате выходили славянские по строю предложения с чувашскими, черемисскими и т. д. словами.

Переводы, сделанные для крещенных татар, были еще более бесполезными, так как использовали арабское письмо, и поэтому представляли собой смесь арабских, персидских, тюрко-татарских слов и форм. С таким же успехом крещеным татарам можно было бы вручить сочинения на греческом или церковнославянском языках.

Подход господина Ильминского заключался в том, что на основе латиницы и русской азбуки он создал алфавит, соответствующий звукам татарского и черемисского языков, и в качестве переводчиков на татарское и черемисское наречия привлекал таких толковых татар и черемисов, которые воспитывались в среде своего народа, в совершенстве знали родной язык и лишь позднее овладели русской речью. Сначала господин Ильминский объяснял своим помощникам смысл переводимого предложения и лишь затем просил выразить его на родных языках. После того он находил других татар и черемисов, читал им перевод и спрашивал, понимают ли те прочитанное и каким образом. Если он видел, что мысли переданы верно, то он считал перевод правильным и издавал его.

Поначалу духовенство противилось утверждению таких переводов, однако Ильминскому удалось развеять эти заблуждения, и работа по переводу с успехом продолжается.

Таким образом господин Ильминский положил начало христианской литературе на татарском языке, если можно так назвать те небольшие, самые основные книжечки по религии, которые издаются Братством святителя Гурия. Каждый год миссионерское общество выпускает по меньшей мере одну книгу. Язык этих татарских переводов настолько естественен, что он будет понятен и близок любому татарину.

Именно с чтения этих книжиц началось мое знакомство с казанским диалектом татарского языка. Однако выпущенных татарских словарей и грамматик было недостаточно для изучения языка крещеных татар, поэтому в тех случаях, когда ни знание турецкого языка, ни вышеназванные издания не могли мне помочь, приходилось просить объяснений у господина Ильминского, священника Тимофеева и у молодежи, обучавшейся в Казанской центральной крещено-татарской школе и учительской семинарии.

Для этих целей несколько раз в неделю я отправлялся из юго-восточной окраины Казани с так называемого Арского* или вотяцкого поля, где я жил недалеко от крещено-татарской школы, в центр города, чтобы посетить господина Ильминского, который с большой охотой брался объяснять отличия казанского диалекта татарского языка от языка турецкого.

Общение мое с господином Ильминским и вообще с русскими проходило на русском языке, который я изучал еще на родине. Лишь при крайней нужде в беседе моей с господином Ильминским переходил я на французский. С кряшенами поначалу я также говорил почти только по-русски, иногда прибегая к помощи турецких слов, которые я пытался уподобить татарским. Впоследствии же я общался с кряшенами исключительно по-татарски, при надобности переходя на русский.

Кроме того, дважды в день я ходил в упомянутую школу для крещеных татар, где проводил несколько часов, расспрашивая названия предметов и вещей и записывая их с помощью алфавита Ильминского. Познакомившись в некоторой степени с татарским наречием, я начал собирать материалы для исследования народного языка. Окружив себя молодыми кряшенами, знающими народные песни, я записывал тексты песен под диктовку, используя принятые у крещеных татар латинские русские буквы. После того я зачитывал записанные песни, и, если обнаруживались ошибки, тут же их исправлял. Третий шаг в отношении каждой записанной под диктовку песни представлял собой ее толкование и объяснение, которое давал или тот, от кого песня была записана, или, если оный затруднялся, истолковывал текст господин Тимофеев, священник и педагог учительской семинарии.

Точно так же я поступал, собирая загадки и пословицы.

Сбор народных сказок, в свою очередь, происходил следующим образом. Господин Тимофеев просил учащихся-татар за вознаграждение от меня записать все известные им сказки в той форме, в какой их принято рассказывать:

* Слово «ар» в наименовании этого места по-татарски означает «вотяк», что, очевидно, указывает на бывшее присутствие здесь вотяков. Отметим, что сами себя вотяки называют ут-мурт. Из первой части этого слова и появилось название вотяк в русском языке.

без добавлений и сокращений. Записать их надобно было латинскими русскими буквами, принятыми у крещеных татар. Затем я давал проверять эти сказки одному очень понятливому кряшену Борису Семену, помощнику учителя в Казанской центральной школе, и потом я сам просматривал материалы. Кроме того, помощник учителя любезно согласился собственноручно записать известные ему сказки, а также очерки о шаманско-языческих пережитках, бытующих среди крещеных татар, а именно о духах дома, хлева, воды и леса.

После того как материал был собран, мы вдвоем со священником и педагогом Тимофеевым по его же просьбе подготовили краткую грамматику казанского диалекта на татарском языке. Вы можете вообразить себе качество этой грамматики, практически не имевшей предпосылок. Совершенно все языковедческие понятия на языке крещеных татар нужно было создавать нам самим. Я разъяснял, что должно выражать то или иное понятие, а само слово для этого понятия находил господин Тимофеев, урожденный, не обрусевший кряшен. Хотя нашу грамматику не напечатали, она разошлась в списках среди будущих педагогов.

Языковой материал, собранный мной у кряшен, включает следующее.

64 народных песни, которые по большей части представляют собой куплет из 4 строк с кольцевой либо перекрестной рифмой. Каждая строка состоит из 7 или более слогов. [...]

4 баита, которые представляют собой более крупные стихотворные произведения с перекрестной рифмой. 46 загадок с ответами. Более 100 пословиц. 36 народных сказок, 18 плотно исписанных листов. 7 очерков о суевериях крещеных татар. 45 листов татарской лексики.

Исследуя казанское наречие, я встретил более сотни молодых кряшен и их родителей из различных местностей. Помимо этого, вместе с кряшенским священником я посетил близлежащую деревню, где собрал лексику, относящуюся к сапожному ремеслу. Общался я с пахарями, жнецами и молотильщиками и записал слова, которые при их работе используются.

Как видно из вышеизложенного, я старался исследовать казанское наречие исключительно среди крещеных татар, поскольку, во-первых, благодаря алфавиту Ильминского язык этот удобен для лингвистического изучения, а во-вторых, на западе об этом языке почти ничего не известно. Будучи чист от ненужных арабских и персидских слов и выражений, неиспользуемых в народе, язык крещеных татар сохранился в первозданном, древнем виде.

Многие из собранных сказок я зачитывал моему слуге, татарину-мусульманину. Все они до последнего слова были ему понятны. Скажу больше, слуга мой помог растолковать некоторые неясные места. Все это убедило меня в том, что алфавит Ильминского вполне точен и что крещеные татары говорят на том же языке, что и татары-мусульмане.

Большая честь для меня представлять здесь материалы, собранные среди казанских татар.

Г. Балинт. Отчет о путешествиях и лингвистических исследованиях в России и Азии. – Будапешт, 1874. – С. 3-10.

Список литературы

Валеев Р. М., Валеева Р. З., Хайрутдинов Д. Р. Первое научное путешествие Габора Балинта в Россию и его письма Н. И. Ильминскому: Казань-Астрахань-Санкт Петербург (1872, 1874 гг.) // The Scientific Heritage. – 2020. – № 50 (3). – С. 45-53.

References

Balint G. Kazani tatar nyelvtanulmányok, I fuzet, Kazani tatar szovegek, gyujtotte es fordította Szentkatolnai Balint Gabor. Budapest, A M. T. Akademia Konyvkiado Hivatala, 1875, 170 p.

Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuausgabe der Originalsammlung von G. Balint 1875-76. Vorwort von A. Berta. Budapest: Magyar Tudomanyos Akademia Konyvtara, 1988, 413 s.

Obrusanszky B. Szentkatolnai Balint Gabor ujaertekelese. Magyar Tudomany, 2007, no. 3, pp. 364-367.

Valeev R. M., Valeeva R. Z., Khairutdinov D. R. Pervoe nauchnoe puteshestvie Gabora Balinta v Rossiyu i ego pisma N. I. Ilminskomu: Kazan-Astrakhan-Sankt Peterburg (1872, 1874 gg.) [The first scientific journey of Gabor Balint to Russia and his letters to N. I. Ilminsky: Kazan-Astrakhan-St.-Petersburg (1872, 1874)]. IN: The Scientific Heritage, 2020, no. 50 (3), pp. 45-53.

Иллюстрации предоставлены авторами статьи.

Illustrations provided by the authors of the article.

Сведения об авторах

Семенов Павел Геннадьевич, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Казанского государственного аграрного университета, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: sem_pavel_97@mail.ru

Колчерин Алексей Сергеевич, доктор церковной истории, заведующий кафедрой общей и церковной истории Казанской православной духовной семинарии, доцент, протоиерей, e-mail: kolcherin@mail.ru

About the authors

Pavel G. Semenov, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor at the Department of Plant Growing and Fruit Growing of the Kazan State Agrarian University, Senior Researcher at the Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences, e-mail: sem_pavel_97@mail.ru

Alexey S. Kolcherin, Doctor of Church History, Head of the Department of General and Church History at the Kazan Orthodox Theological Seminary, Associate Professor, Archpriest, e-mail: kolcherin@mail.ru

В редакцию статья поступила 21.04.2026, опубликована:

Семенов П. Г., Колчерин А. С. Габор Балинт в Казани: к истории изучения языка кряшен во второй половине XIX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 3. – С. 132-141.

Submitted on 21.04.2026, published:

Semenov P. G., Kolcherin A. S. *Gabor Balint v Kazani: k istorii izucheniya yazyka kryashen vo vtoroi polovine XIX v.* [Gábor Bálint in Kazan: on the History of Kryashen Language Studies in the Second Half of the Nineteenth Century]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 3, pp. 132-141.